

Закирова Роза Рафаиловна

СВОБОДНЫЙ АССОЦИАТИВНЫЙ ЭКСПЕРИМЕНТ ПРИ ОПРЕДЕЛЕНИИ ГЕНДЕРНЫХ ОСОБЕННОСТЕЙ В ПОНИМАНИИ КОНЦЕПТА "МО?" НОСИТЕЛЯМИ ТАТАРСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЫ

Статья посвящается изучению лингвокультурологического концепта "Мо?" в татарской языковой картине мира, интерпретации терминов "концепт", "ассоциация" и результатов массового ассоциативного эксперимента по гендерным особенностям носителей татарского языка. В ходе массового ассоциативного эксперимента нами были опрошены мужчины и женщины разных возрастов (от 14 до 80 лет) и профессий, носители татарского языка, общее количество которых составило 350 человек. Статья также включает анализ основных характеристик концепта "Мо?" как эмоционального концепта в татарской языковой картине мира и его деривации.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2015/7-2/21.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2015. № 7 (49): в 2-х ч. Ч. II. С. 76-80. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2015/7-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

THE YUKAGIR-CHINESE FOLKLORE PARALLELS

Zhukova Lyudmila Nikolaevna, Ph. D. in History
*Institute of Researches in Humanities and Problems of Smaller Peoples
of the North of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
zjukova@mail.ru*

In the comparative terms the Yukagir myth about the flood, written at the end of the XX century, and widely presented variants of myths in the folklore of the Chinese are examined. The analysis of the Yukagir text has shown its late conversion from the Christian positions. The structure of the first part of the myth and the presence of particular sign elements (raft, mountain) have shown the inclination of the Yukagir text to one of the early Chinese legends about the flood.

Key words and phrases: North-East of Asia; the Yukagirs; folklore; Biblical myth; the flood; Chinese texts.

УДК 81

Филологические науки

Статья посвящается изучению лингвокультурологического концепта «Моң» в татарской языковой картине мира, интерпретации терминов «концепт», «ассоциация» и результатов массового ассоциативного эксперимента по гендерным особенностям носителей татарского языка. В ходе массового ассоциативного эксперимента нами были опрошены мужчины и женщины разных возрастов (от 14 до 80 лет) и профессий, носители татарского языка, общее количество которых составило 350 человек. Статья также включает анализ основных характеристик концепта «Моң» как эмоционального концепта в татарской языковой картине мира и его деривации.

Ключевые слова и фразы: концепт; лингвокультурологическое поле; лингвокультурология; языковая картина мира; ассоциация; массовый ассоциативный эксперимент.

Закирова Роза Рафаиловна, к. филол. н.
*Казанский федеральный университет
sun_roza@list.ru*

**СВОБОДНЫЙ АССОЦИАТИВНЫЙ ЭКСПЕРИМЕНТ
ПРИ ОПРЕДЕЛЕНИИ ГЕНДЕРНЫХ ОСОБЕННОСТЕЙ В ПОНИМАНИИ КОНЦЕПТА «МОҢ»
НОСИТЕЛЯМИ ТАТАРСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЫ[©]**

В основе формирования и функционирования этнического сознания лежат как врожденные, так и приобретаемые в процессе социализации факторы [8, с. 140]. Исходя из этого положения, этническое сознание (в его языковой форме) можно рассматривать как один из объектов, изучение которого поможет раскрыть особенности картины мира, которые присущи представителям того или иного этноса.

Как отмечает И. А. Стернин, языковое сознание может изучаться экспериментально, в частности при помощи ассоциативного эксперимента, который позволяет реконструировать различные связи языковых единиц в сознании и выявить характер их взаимодействия в различных процессах понимания, хранения и порождения речевых произведений [9, с. 58-65].

Термин «ассоциация» в научную парадигму был введен Дж. Локком [цит. по: 5, с. 389] при описании возникновения предрассудков и «ложных идей». Он полагал, что путем образования сложных идей посредством ассоциаций образуются достаточно случайные, произвольные объединения идей (страхи, предрассудки и пр.).

Было установлено, что существует много видов ассоциаций, которые отражают процессы, происходящие в глубинных слоях человеческой психики [4, с. 11-12]. Именно лингвистами было высказано предположение о том, что изучение многообразия ассоциаций и их связей позволяет делать выводы о соотношении субъективной реальности, т.е. смысла, связанного со словом в сознании человека, и «объективного конструкта» картины мира в его сознании.

Ассоциация представляет собой связь между психическими явлениями, при которой актуализация (восприятие, представление) одного из них влечет за собой появление в сознании другого. Изучая ассоциации, мы обращаемся к неосознаваемому, глубинному слою психики человека [Там же].

Ассоциативный эксперимент – это прием, направленный на выявление ассоциаций, сложившихся у индивида в его предшествующем опыте [Там же, с. 27-28]. Ассоциативный эксперимент предоставляет прекрасную возможность выявления эмоционально-оценочного компонента слова, а значит, и национально-культурной специфики образов сознания носителей разных культур. В ходе анализа материалов ассоциативного эксперимента выявляется системность знаний, определяемая этническими стереотипами поведения носителей той или иной культуры. Результаты ассоциативных экспериментов дают возможность раскрыть наибольшее количество актуальных для современного сознания признаков концептов. В нашем исследовании

применялся свободный ассоциативный эксперимент, в котором испытуемому предлагают ответить на вопрос первым пришедшим в голову словом.

В ходе массового ассоциативного эксперимента нами были опрошены мужчины и женщины разных возрастов (от 14 до 80 лет) и профессий, носители татарского языка, общее количество которых составило 350 человек. Эксперимент проводился как в письменной коллективной форме, так и в индивидуальной устной. Во время процедуры участникам были объяснены общие цели, требования и правила эксперимента.

Обработка ответов, т.е. ранжирование, проводилось по двум признакам разделения: половой, возрастной. Деление по языковому признаку мы не проводили, потому что «Моң» является словом, относящимся к безэквивалентной лексике, и были опрошены только носители татарского языка. Также были обработаны ответы в общем порядке и выявлены более частотные варианты ответов. Таким образом, все ответы респондентов были подразделены по четырем группам: мужчины – женщины, люди моложе 30 лет – старше 30 лет. Это было сделано с целью выявления гендерных и возрастных особенностей в коннотационном компоненте лексемы, а также для определения степени понимания, использования и интерпретации концепта «Моң». В данной работе мы остановимся на гендерных особенностях в понимании концепта «Моң» носителями татарского языка.

Проведенный нами массовый ассоциативный эксперимент носит направленный характер. Мы предложили респондентам анкету, содержащую одно слово-стимул «моң», оформленную в пяти вопросах, и слов-реакций, соответственно, ожидалось пять: 1) слово-предмет или слово-явление; 2) слово-признак; 3) слово-действие, 4 и 5 вносили дополнительную информацию об изучаемом концепте. Это было сделано для того, чтобы более полно и точно определить коннотационную нагрузку, а также национально-культурную наполненность слова. Таким образом, мы оценивали пять видов реакций отдельно: реакции 1, 2, 3, 4, 5. Изучение **реакции 1** определяет, какая семема является доминантной в сознании носителей татарского языка; **реакция 2** позволяет определить те или иные признаки понятия, которые носители языка вкладывают в это слово; **реакция 3** позволяет определить те или иные признаки действия; **реакции 4 и 5** способствуют раскрытию дополнительных коннотационных и образных характеристик лексемы концепта «Моң».

Согласно основным положениям теории концепта, татарский концепт «Моң» (как и любой другой), не имея четкой структуры, жестких очертаний и границ, существует для определения картины мира носителей татарской культуры. При представлении внутренней формы концепта он открыт лишь исследователям. Только они могут сказать, что этот концепт имеет древнетюркские корни. «Толковый словарь татарского языка» [12, с. 406-408] дает следующие толкования слова *моң*: 1. *Исем буларак*, кайгы, хэсрэт, борчу мәгънәсендә (печаль, горе, огорчение); 2. *Йөрәк хисе, тирән хис* (сердечное, внутреннее переживание); 3. *Көй; хисләр жыелмасы* (мелодия, музыка, напев, переживания); 4. *Рәвеш мәгънәсендә* бирелгән. Ниндидер эчке сагыш катнаш моңсулык белән (в форме наречия: внутреннее меланхолическое вялое настроение); 5. Диалектларда очрый, кимчелек, житешсезлек мәгънәсендә (в диалектах, как нехватка, недостаток, дефект).

Концепт «Моң» характерен для многих языков тюркской языковой семьи, например: в башкирском – *моң* (*моңдаш, моңдашылык, моң-зар, моңло-зарлы, моң-йыр, моң-хэсрэт, моң-һагыш, моңло, моңлок, моңсан, моңсол, моңһоз, моңһозлок, моңһозлан, моңһоу, моңһоулык, моңһоулан-, моңһоуландыр, моңай-, моңайт-, моңайыш-, моңла-, моңлан-, моңландыр-, моңлану-, моңлануһусан*) [2, с. 312]; в казахском – *мұң* 1) жабырқау жағдайларды ойлап, уайымдаудағы кайғы, қапа; 2) біреуден зәбір-жапа тартқанда наразылық шағым айта келетін тілек, өтініш (*мұңаю, мұңайту, мұңдану, мұңдас, мұңдасу, мұң-зар, мұңлы, мұңсыз*) [11, с. 150]; в киргизском – *муң* 1) печаль, тоска (*муң чеч* – развеять тоску; *муң ичте жүрсө, жүрөк жарылат* – если печаль внутри останется (не проявится), сердце разорвется; (*муңай-, муңайт-, муңайым, муңайымдык, муңайыңкы, муңайыңкыра, муңайыш-, муңайыштуу, муңда-, муңдан-, муңдант-, муңдаш, муңдаш-, муңдоо, муңдук, муңдур-, муңдуу, муңкан-, муңкадыр-, муңканти-, муңкура-, муңчу* – должностное лицо в Бухарском и Кокандском ханствах, в обязанности которого входило доводить до хана жалобы населения) [3, с. 538]; в узбекском – *мунг* – устарелое книжное: печаль, грусть, уныние (*мунгаймоқ, мунгдои, мунгаланмоқ, мунгалашмоқ, мунгли, мунглишик, мунграймоқ, мунгранмоқ*) [7, с. 271, 359]; в турецком – *bin* (*буң*) – *моң, siktinti* (*буналмак (bunalmak), бун вэ сикинти (bin ve siktinti), бунлу сикинти (binlu siktinti), бунланмак (binlanmak)* – *моңлану, буналтмак (bunlatmak)* – *моңайту, бунли (binli)* – *моңлану, бунлудук (bunluluk)* – *моңлылык, бираз бунлу (biraz binli)* – *безраз моңлы, бираз бунлуданмак (biraz bunlulanmak)* – *безраз моңлану, бираз бунлудук (biraz bunluluk)* – *безраз моңлы* [10, с. 218].

В древнетюркском языке слово *моң* означало «печаль, скорбь, страдание, тягость, потребность, нужда, забота, напасть, тягота; горе, предел, теснота» [1, с. 124-125, 350-351], в какой-то степени похожее на слово *тоска* в древнерусском языке, которое означало «печаль, горе, стеснение, беспокойство, волнение» [8, с. 17-19]. Концепт, как ему и подобает, реализовался как через прямые, так и косвенные номинации, мог быть выражен не только словом, словосочетанием, но и целым текстом.

В «Музыкальном словаре» лексема *моң* представляется как слово татарского происхождения, не имеющее переводов на русский язык: 1) *көй, хисләр жыелмасы* (мелодия, переживания); 2) *кайгы, хэсрэт, борчу, аһ-зар, сагыш* (горе, печаль, недуг, тоска); 3) *йөрәк хисе, тирән хис* (глубокое душевное переживание) [6, с. 121]. Но надо отметить, что такие слова, как *блюз* (англ. *Bluse*, меланхолия, блюз. Моң, моңлы, сагышлы, акрын тизлектә башкарыла торган бию көйләре), *грустно, грустный, грустная песня, кантилена* (көйлелек, салмак яңгырашлы көй, моңлы салмак көй), *кантус* (лат. *cantus*, жыр, көй, моң; көйне башкаручы тавыш), *канциона* (итал. *canzona, canzone*, жыр; моңлы итеп язылган мөтриби / музыкаль әсәр), *ламенто* (итал. *Lamento*, букв. жалоба, плач, кайгылы, сагышлы, кызганычлы, моңсу), *мелодичный, мелодичный голос, мелодия, музыка, музыкальность, музыкальный, место* (итал. *testo*, сагышлы, моңсу, хэсрэтле), *напев, напевность, певучесть, певучий, печальный* – все в какой-то степени имеют в себе значение (или оттенок) *моң*. Если мы также отмечаем, что концепт «Моң» труднопереводимый на другие языки и передающий воспринимаемые чувства от прослушанной

мелодии и музыки, душевное состояние, переживания и их проявления, то случаи интерпретации и сравнения с такими лексемами, как *душа* (жан, рух; күнел, йөрәк; дәрт, хис; кот), *душевное состояние* (рухи хәл, рухи халәт, халәтле рухия), *лирика* (лирика, хиссият, хис, нечкә хисләр), *лирические чувства* (хиссияти тойгылар, лирик хисләр), *меланхолия* (боеклык, күнел төшенкелеге, эч пошу), *мелизмы* (бизәкләр, зиннәтләр, жыр һәм уен кораллары музыкасындагы көй бизәкләре), *мелодичный звук* (хушаваз), *настроение* (кәеф, күнел, рух, вәжүд), *ностальгия* (жирсү, туган илне сагыну), *одухотворенность* (илһамлылык, дәртлелек), *печаль* (сагыш, көенеч; кайгы, хәсрәт), *певчие звуки* (аһәндле авазлар), *песня* (жыр), *приятный на слух* (о музыке), *умеренные напевы* (салмак көйләр), *созерцание* (тамаша кылу, хыялга бирелү (чуму), тоже допустимы.

Итак, вернемся к проведенному нами эксперименту. В понимании слова «моң» наблюдаются гендерные особенности.

Реакция 1. Из проведенного нами эксперимента видно, что мужчины и женщины одинаково склоняются к тому, что «моң» – это «**жыр/жырчы** (песня/певец)» (варианты ответов: ответы респондентов мужского пола – *энинең моңлы жырлары* (мелодичные песни матери), *жыр* (песня), *жырчы* (певец), *жырлар* (песни), *жыр сүзләре* (слова песни), *кеше жырлавы* (пение человека (какого-то, неопределенного)), *татар халкының милли жырлары* (национальные песни татарского народа), *кыз жырлавы* (пение девочки), *халык жырлары* (народная песня), *халык жырлары* (народные песни); ответы респондентов женского пола – *эби-бабайлар көйләгән борынгы жыр* (старинная песня, которую напевали бабушки и дедушки), *жыр* (песня), *жырлау* (пение), *жырлаучы кеше* (поющий человек), *жырчы* (певец), *жыр сүзләре* (слова песни), *күңелне эңиңләйтә торган жыр* (песня, которая одухотворяет), *матур/мәгънәле/моңлы/моңсу/озын/радиодан ишетелгән моңлы / сагыну турында / салмак / ягымлы жыр* (красивая / со смыслом / мелодичная/длинная / мелодичная, услышанная по радио / тоскливая/медленная/приятная песня), *татар халык жырлары* (татарская народная песня), *татар жырлары* (татарская песня), *татар халкының сузып, моңланып жырлый торган жырлары* (медленные и мелодичные песни татарского народа), *халык жырлары* (народная песня), «*Таң атканда*» *жырлары* (песня «Когда расцветает»), *элеккеге озын көйле жырлар* (старинные мелодичные песни). Далее, на следующую ступень отнесем «**көй/музыка**» (ответы респондентов мужского пола – *көй* (мелодия), *матур көй* (красивая мелодия), *музыка*, *музыка кораллары* (музыкальные инструменты), *үз рухымның музыкасы*, *көе* (музыка, мелодия собственной души); ответы респондентов женского пола – *экрән көй яңгыравы* (звучание мелодичной музыки), *ерактан килгән көй тавышы* (звук мелодии, слышимый издали), *көй* (мелодия, музыка), *колакка ятышылы / матур/милли/сагышылы / салмак/талгын / үзәк өзгеч көй* (приятная/красивая/национальная/тоскливая/ медленная/тихая/пронзительная мелодия, музыка), «*Сарман*» *көе* (мелодия «Сарман» – татарская народная песня), *музыка*, *музыка сангате* (музыкальное искусство), *уйландыргыч музыка* (музыка, которая заставляет задуматься), *табиғат музыкасы* (музыка природы), что, в свою очередь, тоже связано с песней. И те и другие ответы относятся к человеку и человеческим раздумиям – «**кешенең уйланулары**» (размышления человека) (варианты ответов: ответы респондентов мужского пола – *буталчык уйлар* (запутанные мысли), *уй* (мысль), *уйлану* (раздумье), *кешенең ниндидер бер уйчан вакыты* (когда человек задумался о чем-то); ответы респондентов женского пола – *жыр көйләп уйга калган кеше* (человек, задумавшийся во время исполнения песни), *кеше* (человек), *моңлы бала/кеше* (грустный ребенок/человек; ребенок/человек, который мелодично поет), *йомшак күңелле* (о мягком, добром человеке) / *уйланып торучы кеше* (задумчивый человек), *кешенең уйлануы* (раздумье человека), *уй-сагыш* (тоскливость)) и переживаниям «**күңелсезләнү/сагыш**» (становиться невеселым / тоска, ответы респондентов мужского пола – *басынкы күңел* (сдержанное настроение), *күңелнең эчке кичерешләре* (душевные переживания), *рух торышы* (состояние души), *сагыш* (тоска); ответы респондентов женского пола – *авыр кичерешләр* (переживания), *борчылу* (беспокоиться), *борчу* (беспокойство), *зар* (жалоба, горе, печаль), *кеше күңеленә бер кисәге* (часть души), *кешенең эчке күңеле* (внутренний мир), *күңелсезлек* (печаль), *күңелсезләнү* (грустить, печалиться), *күңел халәте* (состояние души), *күңел тулу* (подавленность), *кайгы* (горе, печаль), *кызганыч вакыйга* (печальное происшествие), *сагыш* (тоска), *сагыну* (тосковать, скучать), *сагышылы кеше* (тоскливый человек), *милләтнең эчке күңеле* (душевное состояние нации), *хәсрәтләнү* (горевать, скорбеть), *эч пошу* (беспокоиться), *ямансулык* (печаль)). Но и по количеству, и разнообразию ответы респондентов женского пола более обширны, чем ответы респондентов мужского пола. Ответы респондентов женского пола более глубокие, обширные, образные и ярче по смыслу. Респонденты мужского пола ассоциируют моң с временными и пространственными реалиями (**вакыт агышы** (течение времени) – 5%, **бушлык** (пустота) – 2,8%), но у опрошенных женского пола больше ответов, связанных с природой, природными явлениями: *бөдрә таллар* (ивы), *диңгез* (море), *жыл* (ветер), *кояш батубы* (солнечный закат), *урман* (лес), *су* (вода), *чишмә* (река) и т.д. Делая выводы, можно отметить, что респонденты женского пола более чувствительные и эмоциональные, чем мужчины. Также наблюдаются ассоциации и с певцами эстрады, в большинстве случаев у женского пола: *Айдар Галимов*, *Альфия Афзалова*, *Гали Ильясов*, *Ильгам Шакиров*. Сильное различие между ответами мужчин и женщин в ассоциации с природой и с родиной – «**туган як / туган авыл**» (родина / родная деревня) – у мужчин – 7,1%, у женщин только 0,34%.

Реакция 2. В ответах на вопрос «*Моңлы кеше нинди булла?*» (букв. *Каким бывает человек в моңлы-печальном состоянии?*) тоже наблюдаются различия, но не слишком существенные: и мужчины, и женщины ответили «**хисчән**» (эмоциональный) – 37,3% : 26,7%. На второй ступени ответ «**жырчы**» (певец) – 12,4%: 16,8%, но ассоциация «**көйле/музыкаль** (музыкальный)» у мужчин вообще отсутствует, а у женщин – 7,3%. Почти на одинаковом уровне такие ответы, как «**бәхетсез/күңелсез** (несчастный/печальный)» – 15,9%: 15,8%, «**уйчан** (задумчивый)» – 11,7% : 10,9%. Надо отметить, что и в этом случае наблюдаются разнообразия ответов опрошенных респондентов женского пола. Респонденты определяют слово-признак «*моңлы кеше*», обращая внимание на внутренние (ответы респондентов мужского пола – *ата-анасын искә төшерүче*

(вспоминающий, думающий о родителях), *адэпле* (учтивый), *бай күңелле* (богатый душой), *дэртле* (бодрый, пылкий), *культура ягыннан алга киткән* (с культурными ценностями), *моңсу* (печальный), *пакь рухлы кеше* (чистосердечный), *романтик, сәнгать кешесе* (творческая личность), *үз-үзе белән килешкән* (ладить с самим собой), *эчке конфликтсыз кеше* (личность без внутренних конфликтов); ответы респондентов женского пола – *аз сөйләшүчән* (немногословный), *акыллы* (умный), *аңлаучан* (понятливый), *аралашучан* (общительный), *артист, аһәңле сөйләүче* (благозвучный), *баишы* (способный), *жәор телле* (бойкий на язык), *игелекле* (благодарный), *игътибарлы* (внимательный), *илһамлы* (вдохновенный), *ихлас* (искренний), *ишетүгә сәләтле* (умеющий слушать), *кешеләрне/табиғатъне/тормышны яратучы* (любящий людей/природу/жизнь), *мәрхәмәтле* (милосердный), *романтик, сабыр* (терпеливый), *сәнгать кешесе* (творческая личность), *серле* (загадочный), *сизгер* (чуткий), *талантлы* (талантливый), *хыялый* (мечтательный) и внешние (ответы респондентов мужского пола – *сәер* (чуждой, странный), *сулпән* (медлительный); ответы респондентов женского пола – *бик бай* (очень богатый), *үз сүзүндә торучан* (умеющий держать слово), *фикерле* (мыслящий), *харизматик* (харизматичный), *юаиш* (безропотный, кроткий), *якты кеше* (светлый (доброжелательный) человек), *тавышлы* (голосистый), *тәртипле* (воспитанный), *төрле яктан да булган* (всесторонне развитый), *туры сүзле* (справедливый), *тырыш* (старательный)) показатели.

Реакция 3. На вопрос «*Моңаю ул нишләү?*» ассоциации всех респондентов связаны именно с эмоциональными переживаниями, в моменты печали и тоски человек может «*борчылырга/күңелсезләнергә* (беспокоиться/грустить)» – 33,1% : 36,8%; «*уйланырга* (думать)» – 32,4% : 26%; «*искә төшерергә* (вспоминать)» – 10,8% : 12,3%; «*хисләнергә* (расчувствоваться)» – 3,6% : 6,3% и даже «*еларга* (плакать)». Ответы респондентов женского пола, содержащие вышеотмеченные слова-действия, являются показателем эмоциональности и чувствительности. Ответ «*шатланырга* (радоваться)» отсутствует у опрошенных респондентов женского пола, но преобладает у респондентов мужского пола – 3,6%. Но моменты, когда проявляется «моң», как мы уже заметили, это не только моменты грусти, печали, тоски и т.д., но и радости. В моменты подавленного и хорошего настроения человек может припевать, то же самое наблюдается с небольшой разницей между ответами респондентов мужского пола и женского пола: *жырларга* (петь) (10,08% : 7%) и *көйләргә* (напевать, убаюкивать) (9,4% : 6,3%). Но все же ответы респондентов женского пола более разнообразны, они больше ассоциируют «моң/моңаю» с переживаниями, нежели с музыкой и мелодией.

Реакция 4. При попытке перевода понятия концепта «Моң» на русский язык наблюдались большие трудности, из опрошенных в большей степени не ответили именно респонденты женского пола, но у них более разнообразные ответы: *душа, душевность, лирика, муза, звук, воодушевление, душа песни, душевное озарение, задумчивость, звучание, звучность, лиризм, меланхоличное состояние души, мелодика, мелодия жизни, нежность, ностальгия, пение птиц, мелодия, душевный, гармония, вдохновение, выразительность*; респонденты мужского пола – *душа, мелизм, мелодичность, меланхолия, музыкальное вдохновение, огорчение, пение души, радость души, скука, чувственный и др.* Наблюдается связь и с музыкой, и с внутренними чувствами, душой.

Реакция 5. Из эксперимента видно, что оба пола считают, что «моң» присущ именно татарам, хотя ответов респондентов мужского пола было меньше, чем ответов респондентов женского пола (44,3% : 73,2%). Ответ, что *моң* присущ **всем народам**, респонденты мужского пола отметили больше, чем женского пола (27% : 10%), башкирам дали 3 место (18% : 7,2%), далее всем тюркским народам (конкретно не указано) – 4 место (7,5% : 2%), индийским народам (ответ взят конкретно из ответов респондентов, вероятно, речь идет о индусах, это связано с фильмами, которые часто красочно, музыкально и драматично транслируются по телевидению) – 5 место (0,75% : 1,2%). Респонденты мужского пола и женского пола считают, что «моң» в мелодии присущ чувашам, шотландцам, англичанам, арабам, испанцам, китайцам, марийцам, русским, туркам, узбекам, цыганам и японцам. То есть очень много различных национальностей, но все же сами татары считают, что «моң» в мелодии присущ именно татарам, и ставят себя на *1 место*.

Делая выводы, можем отметить, что массовый ассоциативный эксперимент показал гендерные особенности в понимании концепта «Моң» носителями татарского языка. Женщины по своей природе более эмоциональные, чем мужчины, больше наблюдаются ассоциации с природой, природными явлениями, матерью. У них чаще возникает ассоциация с артистами, певцами, красным цветом. Ответы «*Моң дигәч үзем күз алдына килә*» (букв. *Когда говорю (или представляю) слово «Моңлы», то представляю себя*) получены только от женщин, они характеризуют понятие *моң* как внутреннее душевное пространство человека.

Таким образом, мы оценивали пять видов реакций отдельно. Результаты массового ассоциативного эксперимента показали, что понятие «моң» связывается в сознании носителей татарского языка, прежде всего, с понятием «*жыр/жырчы*», также «моң» часто ассоциируется с понятиями «*көй/музыка*» и различными переживаниями. Можно отметить, что слово «моң» ассоциируется не только с грустью, печалью, воодушевлением, мелодией, музыкой, песней и др., но и с шелестом травы, пением птиц, звучанием речки и т.д.

При попытке перевода концепта «Моң» на русский язык наблюдались большие трудности: перевод или вообще отсутствовал, или респонденты затруднялись ответить, пожелали не переводить на другие языки, а кто-то, наоборот, постарался интерпретировать не одним словом, а целыми предложениями, что доказывает непереводаемость или труднопереводимость концепта, респонденты больше склонялись к описательному переводу. В целом эмоционально-оценочный компонент концепта «Моң» определяется нами как положительный и несет в себе эмоциональный и эстетический характер восприятия мира. В итоге ассоциированный татарами концепт «Моң» предстает как антропологизированный живой субъект, имеет динамичный характер, является показателем внутреннего, эмоционального состояния человека. «*Моңлы кеше нинди була?*» – *говорят так, когда человек поет, грустит, тоскует, думает о чем-то, т.е. человек в каком-то меланхолично задумчивом состоянии, также если речь идет о грустной песне, говорят моңлы жыр (мелодичная*

песня), или о голосе поющего человека (моңды тавыш – печальный, унылый голос), где тоже можно употребить слово моңды. «**Моң дигәч үзем күз алдына килә**». И далее в статье приведены примеры ответов респондентов, т.е. то, что они представляют, когда слышат слово моң.

Список литературы

1. Древнетюркский словарь / под ред. В. М. Наделяева, Д. М. Насилова, Э. Р. Тенишева, А. М. Щербака. Л.: Наука, 1969. 676 с.
2. Ибашев К. Г., Шикилдина З. К. Словообразовательный словарь башкирского языка. Уфа: Гилем, 2005. 552 с.
3. Киргизско-русский словарь: около 40 000 слов / сост. К. К. Юдахин. М.: Совет. энциклопедия, 1965. 976 с.
4. Кузнецова Л. Э. Любовь как лингвокультурный эмоциональный концепт: ассоциативный и гендерный аспекты: дисс. ... к. филол. н. Краснодар, 2005. 206 с.
5. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем // Теория метафоры. М., 1990. С. 387-416.
6. Музыкальный словарь – музыкаль сүзлек / науч. ред. А. А. Алмазов. Казань: Мастер-Лайн, 2004. 252 с.
7. Русско-узбекский словарь / под ред. Р. Абдурахманова. М.: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1954. 1046 с.
8. Степанов Ю. С. Константы: словарь русской культуры: опыт исследования. М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. 824 с.
9. Стернин И. А. Методика исследования структуры концепта // Методологические проблемы когнитивной лингвистики. Воронеж: Воронежский гос. ун-т, 2001. С. 58-65.
10. Татарча-төрөкчә сүзлек – Татарско-турецкий словарь: 22 000 слов / Төз. Ф. А. Ганиев, Р. Г. Әхмәтъянов, Х. Ачыкгөз. М.: ИНСАН, 1997. 496 б.
11. Толковый словарь казахского языка: в 2-х т. / под ред. С. К. Касбаева. Алма-Ата: Изд-во АН Казахской ССР, 1961. Т. 2. К-Я. 556 с.
12. Толковый словарь татарского языка: в 3-х т. Казань: Тат. кн. изд-во, 1981. Т. 3. Б. 406-408.

FREE ASSOCIATIVE EXPERIMENT WHILE IDENTIFYING GENDER PECULIARITIES IN THE UNDERSTANDING OF THE CONCEPT «МОҢ» BY THE BEARERS OF THE TATAR LINGUOCULTURE

Zakirova Roza Rafailovna, Ph. D. in Philology
Kazan (Volga region) Federal University
sun_roza@list.ru

The article aims to study the linguoculturological concept “Моң” in the Tatar linguistic picture of the world, to interpret the terms “concept”, “association” and the results of the mass associative experiment on the gender peculiarities of the bearers of the Tatar language. During mass associative experiment the author interviewed men and women of different ages (from 14 to 80) and professions, bearers of the Tatar language, 350 totally. The paper also presents the analysis of the basic characteristics of the concept “Моң” as an emotional concept in the Tatar linguistic picture of the world and its derivation.

Key words and phrases: concept; linguoculturological field; linguoculturology; linguistic picture of the world; association; mass associative experiment.

УДК 81-26

Филологические науки

В статье рассматривается явление паронимии в немецком языке. Дается краткий обзор существующих точек зрения на суть этого языкового феномена в германистике и русистике. Теоретические выкладки иллюстрируются примерами из немецкого языка, в том числе приводятся случаи взаимодействия смежных явлений в языке (паронимия, синонимия, антонимия, омонимия). Затрагивается вопрос о соотносённости паронимических пар русского языка с паронимическими парами немецкого.

Ключевые слова и фразы: паронимия; синонимия; омонимия; антонимия; немецкий язык.

Иванова Дарья Александровна

Казанский (Приволжский) федеральный университет
daria624@yandex.ru

ЯВЛЕНИЕ ПАРОНИМИИ В НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ (НА ПРИМЕРЕ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ С СУФФИКСАМИ *-IG* / *-LICH*)[©]

Паронимия, в отличие от смежных с ней лексических явлений (синонимии, антонимии и омонимии), вызвала интерес у исследователей относительно недавно. Основываясь на работах представителей Казанской лингвистической школы, мы понимаем под паронимами однокорневые слова, относящиеся к одной части речи, сходные по звучанию и имеющие незначительные различия в семантике [1; 6].

В немецком языке явление паронимии не имеет такого значения, как в русском языке. В немецком языке число паронимов-прилагательных, образованных путём суффиксации, достаточно ограничено, хотя именно паронимы-адъективы представляют наиболее многочисленную группу. Несмотря на относительную